

Вика Даркфей

Ведьмино
наследство,
или сюрприз от бабушки
из Теньбурга

18+

Виктория Даркфей

**Ведьмино наследство, или
сюрприз от бабушки из Теньбурга**

«Автор»

2026

Даркфей В.

Ведьино наследство, или сюрприз от бабушки из Теньбурга /
В. Даркфей — «Автор», 2026

Лизетта была замечательной ведьмой, но совсем не походила на своих бабу, прабабу и прапрабабу. Да и носила другую фамилию, мечтая как-нибудь дойти до ратуши и сменить ее на историческую. До ратуши она дошла! Вот только повод получился совсем другой: под сомнением оказалось ее право собственности на старинный особняк с привидением на отшибе Теньбурга. Все могло бы исправить завещание бабушки. Но найти его оказалось не так-то просто...

Виктория Даркфей

Ведьино наследство, или сюрприз от бабушки из Теньбурга

Ведьино наследство, или сюрприз от бабушки из Теньбурга

“Предписание!” — жутковато гласил свиток, гвоздем приколотенный к двери дома. Лизетта сорвала документ и нехорошо сощурилась, представляя, как сварит в котле глупца, который посмел сотворить такое с ни в чем не повинной дверкой.

Скрипнув, та впустила ведьму внутрь. Лизетта щелкнула пальцами и в старинных канделябрах зажглись свечи. Они разогнали мрак и подсветили портреты ее бабки, прабабки и прапрабабки, что владели этим особняком на отшибе Теньбурга в прежние времена.

Знатные то были ведьмы! Темные, как сама ночь, глаза, крючковатые носы, длинные черные платья и остроконечные шляпы. Справа прапрабабушка Матильда лихо держала в руке метлу и посверкивала щербатой улыбкой. За ней прабабушка Клозетта позировала около котла и держала в руках толстую книгу. На ее лице играли фиолетовые и зеленоватые блики от колдовского зелья, и от этого задорный взгляд обретал нотки безумного веселья. Бабушка Иветта гладила черного кота Гришку, который выгибал спинку и жмурился от удовольствия.

Кстати, этот мохнатый проказник достался Лизетте в наследство вместе с домом и сейчас, наверное, охотился на крыс в подвале, выручая хозяйку от нашествия проклятых грызунов. Из-за них Лизетта так толком и не спустилась в подземную часть особняка. Хотя и была ведьмой, а копошащихся вредителей не переносила на дух.

— Кис-кис-кис, — позвала Гришку Лизетта, желая погладить питомца и убедиться, что с ним все в порядке.

Она прошла по относительно небольшому коридору, в конце которого стоял старинный комод темного дерева. Поправила выбившуюся каштановую кудряшку, когда миновала овальное зеркало, что висело в затейливой чугунной оправе над тем комодом. Здесь проход поворачивал направо — в кухню, и налево — к лестнице на верхние этажи.

Лизетта была замечательной ведьмой. Но все-таки совсем не походила на своих родственников. Никакого крючковатого носа и бородавок, узловатых пальцев и когтей. Лизетта убеждала себя, что всему виной недостаточно почтенный возраст: она не разменяла и первой сотни лет, что для ведьмы было очень мало. Поэтому и смотрело на нее из зеркала миловидное личико молодой девушки, с гладкой кожей, мягкими темными кудрями и ямочками на щеках. И нос у нее был совершенно заурядный.

А вот глаза у Лизетты были самые что ни на есть ведьмовские: с большими радужками, что в разрезе век на две трети перекрывали глазное яблоко. Цвет правда выдался не в породу — карий, а не черный, словно угли, как у бабок-прародительниц. Зато отдавали ее зрачки огненными искрами. И надо сказать, что магия огня удавалась Лизетте лучше всего!

Ведьма повернула направо и вошла в кухню, на этот раз щелчком пальцев воспламенив не только фитили свечей, но и дрова в очаге, и ароматические брикеты в высокой кованной жаровне. Она служила и для тепла, и для света и стояла вблизи окна, чтобы отсекал холодные октябрьские сквозняки, что так и норовили пробраться в дом.

Это было очень удобно. Главное, не забывать вовремя вычищать золу и подкладывать свежие дрова в очаг. А то можно устроить небольшой взрыв вчерашней золы и после все отмыть пять часов подряд...

Кухня озарилась бликами мягкого света, явив мрачное очарование массивной мебели темного дерева, мудреных канделябров и высокого трехстворчатого окна в пол, за которым

почти сгустилась ночь. Панорама на город с холма открывалась красивая. Напротив как раз стоял стол на шесть персон, чтобы услаждать пирующих видом на Теньбург. Над столом висела железная круглая люстра, куда полагалось размещать свечи.

Шмяк! Ведьма впечатала несчастный свиток на темный от времени обеденный стол, словно собиралась разделаться с документом прямо сейчас.

— Посмотрим-ка, посмотрим, кому здесь жить надоело, — пробормотала она под нос и впиалась взглядом в до бездушно ровные буквы.

Кто писал эти проклятые закорючки, белены объелся, не иначе. Иначе как объяснить, что ее обвинили в захвате особняка, который якобы ей не принадлежит? Что живет она здесь не по праву и находится вовсе не должна. Что предписано ей покинуть оный дом в трехдневный срок как лицу, права собственности не имеющему. Подписано было бургомистром Теньбурга, господином Фредериком Властрихом лично.

Лизетта присвистнула, скривилась и отбросила продажную бумажку, словно дохлую крысу.

— Урр, — вырвалось у нее невнятно и довольно сердито.

Ведьма заходила по кухне из стороны в сторону нервно, перебирая в мыслях кары одна страшнее другой, какими она могла бы наградить невежду, это дельце состряпавшего.

Например... Например, заставить его икать каждый раз, когда увидит ведьму на улице! А ведьм в Теньбурге много! Он и слова больше в жизни не скажет, да и не напишет.

Или заставить все двери перед его носом закрываться на секунду раньше, чем он успеет войти. Вот это был бы номер! Чопорный бургомистр, который раз за разом стучается лбом.

Или заколдовать его носки так, чтобы он в жизни не нашел пары. А еще лучше насыпать лягушек за шиворот, да чтобы прямо из болота... Или заставить наступить в собачье говно, да лучше двумя ногами сразу!

Лизетта довольно улыбнулась, представляя все эти приятные вещи и рожу господина Властриха в каждом моменте. Но тут же уселась на скрипучий стул с высокой спинкой и приуныла. Потому что больше крыс она не любила только бюрократов, способных одним росчерком пера испортить жизнь даже самой порядочной ведьме. Ведь обо всех этих карах было можно лишь мечтать: большие чиновники были хорошо защищены от такого рода проделок. Иначе в городе ведьм им бы жилось ох как несладко.

— Мяу! — ей на колени запрыгнул матерый котяра Гришка, у которого вся морда оказалась в пыли и паутине.

Кот тут же начал мурчать и тереться об ее красивое кружевное платье черного цвета, чтобы всю эту пакость вытереть.

— Гришка! — взвыла Лизетта и вскочила. — Не смей так делать! Я тебя, конечно, люблю, но фу быть таким.

Кота сгребли в охапку и потащили к умывальнику, где под недовольное ворчание умыли. Затем налили молока в знак примирения.

Возясь с котом, Лизетта отвлеклась и подобрела, решив завтра сходить в ратушу, благо по средам у бургомистра был приемный день. Оставалось только найти завещание бабушки Иветты и ткнуть носом глупых чиновников в их ошибку.

А пока ничто не мешало Лизетте отужинать вчерашней уткой с бокалом горячего пряного вина, с которым так приятно было смотреть из кухонного окна на город, на огромную желтоватую луну и на голые деревья, мимо которых мелькали порхающие точки летучих мышей.

Солнце в Теньбурге редко поднималось высоко. Скорее показывалось в растянутом свете или таком же длинном закате над краем горизонта, являя миру роковые и незабываемые

виды. А в остальном здесь, в Потустороннем мире, царил таинственный полумрак, сумерки и густые тени, разбавленные светом уличных фонарей, луны и, конечно, волшебства. Поэтому время здесь шло совсем по-другому.

На следующий день Лизетта взялась за поиски завещания. Внезапно выяснилось, что она понятия не имеет, где лежит заветная бумага. Часы пробили девять, потом десять, одиннадцать. К этому моменту оказались выпотрошены ящики комода на первом этаже, вывернуты на изнанку шкафы и кофры в комнатах на втором этаже. Уничтожены залежи под дубовой двуспальной кроватью с балдахином в спальне. Перетряхнуты все подушки, одеяла и матрасы. Даже кухонные шкафчики и ящички оказались препарированы с особой тщательностью. И теперь во всем особняке царил такой бардак, что в нем решительно ничего нельзя было найти. Даже если вы видели что-то нужное буквально пару минут назад.

В этот момент и стоило бы позвать на помощь любимых подруг, сестер из ее ковена: Тенетту и Зефирру. Но они обе сейчас были недоступны: уехали к тетушкам из Волшебного леса — мира похожего на Потусторонний, только не с привидениями, ведьмами в остроко- нечных шляпах и вампирами, а с единорогами, эльфами и лесными ведьмами в коричневых плащах. Тот мир тоже был по-своему хорош: зачарованные поляны, лесные города, водопады с живой водой и много других чудес. Там было больше света, сияющей росы, радуг и своей магии.

Раньше, чем через две недели Лизетта не ждала их возвращения. Она очень скучала и мечтала скорее их увидеть, повеселиться и посплетничать за веселящими напитками на ночной прогулке. Подцепить симпатичных оборотней или колдунов, а там... как пойдет. Но это были только мечты.

Лизетта сдула с лица выбившуюся прядку и гордо оглядела наведенный кавардак. Что ж, теперь она точно знала, где завещания нет! В этом особняке.

Конечно, еще оставался чердак, с привидением и старыми рухлядями, которые у прежних хозяек не поднималась рука выбросить. И подвал, вход в который прятался под лестницей. Но зачем бы бабушке прятать документ именно там?

О том, чтобы спуститься в подземелье не хотелось даже думать. Ведьма с сомнением посмотрела вверх, на всегда запертую дверь, что вела в мансардное помещение под крышей. Времени на поиски еще и там не оставалось. Приемные часы бургомистра, будь он неладен, стремительно кончались.

И тут Лизетта хлопнула себя по лбу. Ну она и простофиля. Ведь живет же на чердаке привидение. А у самого дома есть прекрасный домовый. И если не первый, то второй просто обязан помочь с поисками. Вот вернется она от Властриха, что-нибудь наколдует. А пока пора задать в ратуше пару неудобных вопросов.

Лизетта оглядела себя в зеркале и оценивающе повертелась. Красивая фигурка в длинном платье с рукавами и воротником с кружевной отделкой, романтичные кудри обрамляют лицо. Ведьма повязала на шее бархатную ленточку черного цвета и состроила глазки отражению.

Выглядела она как куколка. Могло ли это помочь решить проблему? Возможно. Но очень маловероятно.

Образ завершили туфли на каблуках с загнутыми носами и мягкая бархатная сумочка в виде небольшого мешочка, что крепилась к запястью тесьмой. В ней теперь хранилось Предписание, которое Лизетте очень хотелось использовать не по назначению...

На голову ведьма надела остроконечную шляпу и посмотрела на метлу. Метла бабушки Матильды служила семье уже очень долго, а в свободное время стояла в углу рядом со входной дверью.

Времени оставалось немного, поэтому ведьма решительно взялась за черенок и вышла за порог.

Ее особняк стоял на холме, и Теньбург во всей своей мрачноватой красоте и огнях отсюда был как на ладони. Город располагался к северу от холма. К западу, укрытый туманом, стоял Сад Мертвых. Отсюда виднелись лишь кончики надгробий и крыши усыпальниц, где покоились почившие жители Теньбурга. К востоку в вечном мраке ночи прятался Паучий лес, и Лизетта не любила смотреть в ту сторону. А на юг уходила Бесконечная дорога. Ведьма знала, что там дальше есть Перекресток миров, и привести путника он мог куда угодно: по его желанию, предназначению или поступкам. Еще севернее за городом по небу разливалось льдистое и огненное сияние от невидимых отсюда Реки душ, Небесной лестницы и Огненного водопада.

Чтобы попасть на мощеные улочки Теньбурга, следовало спуститься по лестнице у крыльца, пройти по тропинке вниз и выйти на улицу Бездомных кошек. Затем идти, петляя среди домов и перекрестков еще с полчаса, чтобы в итоге выйти на площадь Трех ведьм, где и стояла городская ратуша с градоначальником и всей его братией чиновников.

Лизетта вместо всего этого лихо перекинула ногу через метлу и пристроила зад к подобию седла, чтобы не свалиться. Крепко ухватила за гладкое дерево и велела:

— Лети.

Метла плавно взлетела. Выше, выше и вот ведьма уже летела на высоте крыш и флюгеров Теньбурга. Город представлял очаровательное зрелище. Приближался День Всех Святых, и жители украсили его гирляндами из красных и оранжевых кленовых листьев, вырезанными тыквами со свечой внутри и фонарями всех мастей: волшебными и не очень. Они окрашивали улицы в оттенки осени, в ощущение праздника, в ожидание чуда.

Балконы, уличные кафе, фонтаны, мосты, ротонды, городской парк и ярмарка — все сияло в огнях, с улиц слышался смех, и Лизетта с досады прикусила губу. Она бы и сама с удовольствием там прогулялась — среди ведьм и колдунов, вампиров, привидений и скелетов. Но господин бургомистр зачем-то озадачил ее своим предписанием.

Показалась ратуша. Она стояла в центре идеально круглой большой площади, что вся сияла в огнях. По периметру расположились прилавки городской ярмарки, а за ними светились окна роскошных магазинов. Чего там только не было!

Лизетта мягко приземлилась в двадцати шагах от резиденции градоначальника и с тоской обернулась. За спиной наливали грог с прилавков, предлагали пирожки с яблоками и капустой, торговали тыквенными фонариками, зельями и всякой всячиной. Уличные музыканты-скелеты брэнчали на гитарах, парочки ходили под ручку, слышался смех и возгласы.

Лизетта отвернулась и упрямо зашагала ко входу в ратушу. Вставила метлу в специальное кольцо, где ждали хозяек другие метлы и толкнула дверь с колокольчиком. Он зазвенел, возвещающая о новой гостье, и впустил в коридор с белеными стенами и дубовыми дверями. Прямо здесь за квадратным столом сидел клерк-вампир, который вел учет посетителей.

— Добрый день, госпожа. Укажите цель визита и напишите свое имя здесь.

Ведьма недобро покосилась на него. “Артемий Выхлебголец” — гласила маленькая табличка у вампира на груди. К своей чести он и бровью не повел, потому что встречался с такими недовольными по десятку раз на день. А ведь в Теньбурге жили не какие-то люди, хотя и с последними иногда шутки плохи, а настоящие ведьмы, которые могли проклясть, вампиры, которые могли невзначай отделить голову от тела, привидения, которые легко могли лишить покоя. И другие не менее милые обитатели.

Лизетта сухо поздоровалась и взяла перьевую ручку. Затем написала: “Лизетта Безви- нель, предписание”.

— Вам туда, — сообщил клерк и показал на дверь с надписью “Приемная”.

В приемной сидели две ведьмы и один колдун. Он, впрочем, сразу вошел в кабинет, где бургомистр принимал посетителей. Лизетта сверилась с часами на цепочке, что носила на поясе. Оставалось чуть меньше часа, ей должно хватить времени.

А оно тянулось, словно застывающая карамель. Хотелось начать мерить шагами этот небольшой коридорчик, но вот колдун выскользнул из кабинета, а одна из ведьм вошла, затем пришел черед и другой ведьмы. Когда часы показали без четверти двенадцать, и Лизетта шагнула за заветный порог.

— Господин Властрих, — Лизетта наклонила голову, хотя стоило сделать хоть мало-мальски паршивый реверанс.

— Госпожа Безвинель, — надо отдать должное, бургомистр знал поименно подавляющее большинство жителей Теньбурга, а остальных просто плохо помнил. — Присаживайтесь.

Это был мужчина в возрасте, довольно высокий, с усами и пузиком, но не слишком толстый. Лизетта даже не помнила, сколько лет он занимал эту должность. Кажется — всегда. Его темные глаза цепко следили за каждым движением ведьмы, хотя лицо сохраняло доброжелательное выражение.

Сидел он за широким столом с аккуратно разложенными стопками бумаг. “Прощение” — значилось на одном из верхних листов. За спиной Лизетты громко тикали часы, намекая, чтобы она поторапливалась и не задерживала важного человека.

Лизетта села. Стул для посетителей сухо скрипнул, а она начала речь:

— Господин Властрих, произошло недоразумение. Посмотрите, какую бумагу какой-то вандал приколотил прямо гвоздем к моей двери! Это вопиющее невежество, а уж что там написано, просто возмутительно!

Она привстала и протянула бургомистру постановление. Тот скосил глаза и мельком пробежался взглядом, словно и так дословно знал, что там написано. Хотя, конечно же, он знал!

— Что вы говорите, госпожа Безвинель! Действительно, порча имущества — это грубое нарушение правил передачи важной документации. Вероятно, вас не оказалось дома и нет почтового ящика. Но уверяю вас, в содержании самой бумаги никакой ошибки нет.

Лизетта могла бы задохнуться от праведного негодования, но ожидала чего-то подобного. Переложить ответственность? Сделать ее виноватой? Ахах.

— Могу я узнать, на основании чего меня выселяют?

— А на основании чего вы занимаете особняк по улице Бездомных кошек, дом 35?

— Как это на основании чего? — тут ведьме изменило самообладание, и она чуть повысила голос. — Я живу там со смерти бабушки, всем об этом известно!

— Утверждаете, что мадам Иветта Рубежель, легкого ей пути, была вашей бабушкой? — губ бургомистра коснулась едва заметная усмешка.

Лизетта кивнула, сжимая в руках бархатную сумочку.

— И у вас есть документ, это подтверждающий?

Он явно намекал на завещание, и Лизетта едва сдержалась, чтобы не прикусить губу. Властрих словно знал, что нужной бумаги у нее нет. И только и ждал, чтобы она призналась, чтобы выселить ее тотчас, не дожидаясь трех дней.

Но Лизетта не доставила ему такого удовольствия. На этот раз ведьма кивнула, хоть и с заминкой, не отрывая взгляда от его глаз. Бургомистр снова едва заметно улыбнулся.

— Очень хорошо. В таком случае смею просить продемонстрировать его, — он склонил голову немного набок, словно в ожидании, и сцепил пальцы в замок.

Лизетта чувствовала себя нашкодившей девочкой и всеми силами боролась с этим противоестественным чувством. Уж она-то знала, что права, а все остальное — просто недоразумение. Кроме, конечно же, поползновений бургомистра и того, кто его на это надоумил. Ведь не могло быть так, что господин Фредерик вчера встал не с той ноги и решил поправить настроение, выселив из единственного жилья кого-нибудь неугодного? Хотя кто его знает...

Ведьма взялась за сумку-мешочек и картинно распустила тесемки. Заглянула туда и развела руками:

— Какая я простофиля, господин Властрих. Бог свидетель, сегодня утром я перевернула вверх дном весь свой дом, чтобы найти бабушкино завещание. Я потратила уйму времени и так торопилась, чтобы не опоздать к вам, что пришла без него.

Лизетта досадливо вздохнула и надула губки. Тирада возымела действие! Истинная правда лишь с малой толикой вранья произвела на бургомистра впечатление и его настрой немного поутих.

— Что ж, госпожа Безвинель. Очень жаль. Надеюсь, завтра увидеть вас и искомый документ.

Он радушно улыбнулся. Лизетта ответила тем же, и они раскланялись.

Держа лицо, ведьма вышла из ратуши с гордо поднятой головой победительницы. Но стоило входной двери захлопнуться, улыбка сползла с лица, а плечи поникли.

Она потеряла челюсть, так та затекла от гримас и попыток водить бургомистра за нос. И все-таки это было не напрасно: ведьма выиграла немного времени. Естественно, завтра ее и близко не будет рядом с ратушей. И оставшиеся дни отмеренного срока тоже. Но теперь было можно выдохнуть и взяться за поиски более осмысленно.

Жутко голодная, Лизетта шагнула за порог любимого мрачного особняка и вздохнула немного затхлый воздух. Пошла на кухню — открыть окно, споткнулась о Гришку и выслушала сердитое:

— Мяу!

В кухню проник поток свежего и прохладного осеннего воздуха. Лизетта села за стол, перед этим положив на тарелку кусок буженины и маринованные баклажаны. Трапезу одобрил бокал красного полусладкого. Коту тоже перепало пару кусочков мяса.

После еды ведьма подобрела. В голове стал вырисовываться если не план, то перечень шагов, которые она могла предпринять.

Чтобы ничего не забыть, Лизетта открыла блокнот и перьевой ручкой записала:

Спросить домовенка Уютиля.

Потревожить привидение на чердаке.

Сходить на кладбище.

Первый пункт был самый безобидный и ненапряжный. Второй был чреват последствиями, а третий — мог привести куда угодно. Пункт, до которого Лизетта надеялась не дойдет, она записывать не стала.

Ведьма достала из холодильного шкафа бутыл с молоком, а из буфета — сливочное печенье. И поставила все это на стол. Затем отвернулась и произнесла:

— Домовой-домовой, приходи за угощением.

Хлопнула в ладоши и повернулась обратно. Довольно улыбнулась, потому что Уютить был тут как тут. На высоком для него стуле сидел приземистый паренек неопределенного возраста с носом картошкой и словно соломенными светлыми волосами, торчащими из-под лихой шапки, надетой набекрень. Сам домовенок носил холщовую рубаху и порты из темного сукна. Подвязано все это было обычной веревкой.

— Здравия, хозяйюшка! — он разулыбался и принялся за вкусности.

Лизетта прошлась вокруг стола и села на свое место, терпеливо наблюдая, как Уютить ест. В пять минут с молоком и печеньками было покончено.

— Дорогой друг, — начала Лизетта.

— Да, хозяйюшка! — ретиво перебил ее домовой.

Лизетта хотела поморщиться, но пересилила себя и с улыбкой изложила суть проблемы.

— Вот, и перевернула все вверх тормашками, — закончила ведьма рассказ. Но завещания как не нашла. Ты знаешь, где оно?

— Никак нет, госпожа Лизетта! — был ответ — такой же жизнерадостный и угодливый, как сам Уютить.

Лизетта вздохнула и подперла щеку кулаком. Что ж, ей достался не самый умный домовый на свете.

— И не знаешь, где можно поискать?

Он пожал плечами и тоже приуныл, догадавшись, что его ответы расстраивают хозяйку.

— Былая хозяйка Иветта не имела привычки рассказывать о своих делах Уютилу, прощения прошу, хозяйка Лизетта.

— Может, ты слышал что-то случайно? Мне очень надо, милый Уютить. Выручай.

Уютить всплеснул руками и соскочил от волнения со стула. Мысль подвести хозяйку ему была нестерпима.

— Слышал ли? Слышал? — забормотал он и заходил вокруг стола. — Память у Уютителя не бездонный колодец. А живет он долго. Если все помнить, голова разорвется.

Так он ходил и бухтел, сгорбившись и стараясь хоть что-то вспомнить минут пять, пока у Лизетты не кончилось терпение.

— Ну ладно, ладно. Постой.

Уютить тотчас остановился с понурым видом, от которого стало больно на него смотреть.

— А что, если спросить у Динь-Дона?

Как звали их чердачное привидение никто из ныне живущих уже не знал. А так как оно любило звонить в колокольчики и звенеть любыми звонкими предметами, дабы вывести из душевного равновесия тех, кто ему докучал, прозвали его Динь-Доном.

— О! Что? — на простоватом лице Уютителя отразилось все, что он думает об этой затее, словно написанное в книге. Но дальше ни спорить, ни отговаривать Лизетту он не стал:

— Можно попробовать, конечно. А я пока приберусь, хозяйюшка. А ежели что вспомню, расскажу, как есть.

Лизетта кивнула, и домовый исчез из виду. Одновременно по всем комнатам зашуршало и зашумело, а минут через десять везде сияли чистота и порядок.

Лизетта встала из-за стола и подошла к окну, чтобы прикрыть створку. На улице давно стемнело. В Теньбурге зажигались желтые и оранжевые огни. Ведьма вернулась к блокноту, что так и пролежал все время на столе и вычеркнула первый пункт.

Очень жаль! Ей не хотелось топтать на чердак и беспокоить Динь-Дона, но делать было нечего. Придется в следующие месяца два, а то и все шесть, терпеть его недовольство и просыпаться по ночам от брынчающих звуков. Но на него она управу найдет.

— Эй, есть кто? — спросила Лизетта, когда поднялась к двери на чердак и отважилась заглянуть внутрь. — Господин Динь-Дон, вы здесь?

Ведьма несмело шагнула в абсолютную темноту, разгоняла которую только свеча в ее дрожащей руке.

Может, он отправился дальше? И его здесь больше нет? Так иногда случалось, что привидения решались распротиться с долгами былой жизни, отказаться от них и стать такими легкими, что их уносило на покой.

Лизетта сделала несколько неуверенных шагов по сухим и пыльным доскам, которые здесь почему-то казались гулками, как крышка пустого гроба.

А может, Динь-Дон уснул? Такое тоже бывало. Привидения размывало от времени, они теряли форму и превращались в бесформенные сероватые пятна, в которых было не узнать, кем они являлись при жизни. Такие старички могли и “заснуть”, растворившись настолько, что оставалась только взвесь негативно настроенной, но уже не мыслящей субстанции. Со време-

нем она превращалась просто в пыль. С Динь-Доном такое вполне могло произойти, он был уже стар даже по меркам призраков.

Лизетта почти расслабилась и по второму кругу разочарованно оглядывала обстановку. Середина чердака пустовала. Но вдоль стен и по углам стояли старые шкафы, зеркала и высокие вешалки, накрытые пыльными белыми простынями. Ни за одним из предметов привидения не оказалось.

— Что тебе надо, деевчоонка? — внезапно раздалось сзади и через Лизетту пролетели на полной скорости, вызвав дыбление волосков по всему телу.

— Чтоб тебя! — завопила ведьма. — Просила же так не делать!

— А я просил, ко мне не соваться!

Динь-Дон заметался туда-сюда, напоминая взбесившуюся выюгу, но потом успокоился и застыл, похожий на плотный сгусток тумана. У него угадывалась круглая голова, а бесформенное тело будто таяло на конце, так и не касаясь пола.

— Чего надо? — невежливо спросил призрак.

— Вообще-то, я у себя дома. И чердак его часть! — возмутилась ведьмочка и чуть не топнула ногой.

— Неужели? — ехидно спросило привидение. — Уверена? Что же ты тогда здесь делаешь?

— Так ты знаешь?

— Знаю. Ищешь завещание.

— Тогда помоги. Пожалуйста, — Лизетта выдавила из себя волшебное слово, хотя еще злилась на Динь-Дона за неласковый прием. — А я уйду и больше тебя не потревожу.

— Насмешила, — буркнул призрак, но уже почти беззлобно. — Здесь его нет, можешь не искать.

— А где оно? — робко уточнила Лизетта, боясь спугнуть благоприятный момент.

— Далеко, — задумчиво ответил Динь-Дон. — Очень далеко. Но даже отсюда я его чувствую.

— Это как? — хлопнула глазами ведьма.

— Как, как! Каком! — был ответ, и привидение стремительно унеслось за сборище трельяжей и старых кресел в углу.

— Уууу, — загудело оттуда угрожающе.

Лизетта поняла, что больше беседы не получится, и решила ретироваться. Стоило ей шагнуть за порог чердака, как дверь нахально шлепнула ее пониже спины и захлопнулась, едва не спустив с лестницы.

— Вот... нахал, — буркнула Лизетта и пошла вычеркивать второй пункт из блокнота.

Еще через три часа, когда наступил вечер и была самая пора для прогулки по кладбищу, Лизетта бодро шагала по туманным каменным дорожкам Сада мертвых.

В руке она несла стеклянный заговоренный фонарь, чтобы всякие вредные сквозняки не загасили его. Последнее, чего хотелось бы ведьме — это оказаться в одиночестве в полной темноте среди могил и склепов. Чтобы бродить потом по туманным дорожкам до рассвета, не иначе, в поисках выхода...

Она упорно шагала по четким рядам захоронений. Отсюда казалось, что кладбище бесконечно. Возможно, так и было: давненько не находились смельчаки, готовые проверить его протяженность.

Семья Лизетты была из древнего рода, поэтому и до фамильного склепа пришлось потопать. Чем дальше, тем дорожки становились более узкими и хаотичными. Отдельных могил

и памятников почти не осталось: вокруг возвышались строения и усыпальницы. Ветер словно дул в трубу, изображая хор призраков, а кое-где виднелось зеленоватое свечение.

Наконец, ведьма пришла к склепу Рубежелей. Почему она — Безвинель, а все ее бабушки и прабабушки, здесь похороненные, Рубежели? И как ей ложиться в гроб среди них, когда придет время, с такой фамилией?

Ответ был прост. Ее мать выбрала иную судьбу. Выбрала любовь, другую жизнь и отказалась от дара и жизни ведьмы в Потустороннем мире. Поэтому и сменила фамилию. Поэтому и наследство отошло не ей.

В планах у Лизетты было как-нибудь дойти до ратуши и сменить фамилию на историческую. Но все руки не доходили. А теперь появились дела поважнее.

Ведьма поднялась по каменным ступеням, засыпанным опавшей листвой, и достала из кармана связку старинных длинных ключей. Один из них был от фамильной усыпальницы. Второй — от дома. Что открывал третий ключ, Лизетта не знала. Но знала, что все три заговоренные. И отпирают положенные двери только в руках у представителя семьи. По-другому вскрыть замок не представлялось возможным.

Язычок внутри двери щелкнул, доказывая, какой же все-таки господин Властрих недоумок. Конечно, она являлась хозяйкой всего имущества Рубежелей. Только ему этого было мало.

Лизетта вошла в склеп. Обстановка здесь была в целом уютная. Резные деревянные скамьи, покрытые темным лаком. Сухие цветы в вазах, в канделябрах — свечи. В стенах ниши с гробами. Столик для поминок и даже бутылка рома на нем, видимо забытая с прошлого посещения.

Лизетта поставила светильник на столик и щелчком воспламенила свечи. Прошлась вдоль ниш, читая имена. Шесть ведьм здесь покоилось. Ведьмы жили долго, первое в ряду имя почти стерлось на камне ведь было ему полторы тысячи лет.

Лизетта вернулась ближе ко входу, где лежала бабушка Иветта.

— Бабушка, — тихо позвала Лизетта в надежде, сама не зная на что.

За хлопотами и делами могло показаться, что она не скучает по бабушке и довольно скоро свыклась с ее кончиной. Но на самом деле, ведьмочка, конечно, грустила. Бабушка была ее опорой, самым мудрым и добрым человеком, которого она знала. Просто в Теньбурге к смерти относились довольно просто. Она была здесь повсюду и уже так не пугала. Все в городе знали, что это лишь новый этап, а не конец пути. И с учетом, что народ в Потустороннем мире жил долго, все успевали свыкнуться и принять то, что приходило в итоге к каждому без исключения.

Лизетта вздохнула, отгоняя печальные мысли. Она не собиралась призывать дух усопшей. Это было бы бесчеловечно, ведь обратно можно и не вернуться в царство покоя. И хотя вначале ведьма рассматривала этот вариант как крайний, даже не стала его записывать в блокнот, настолько не хотела, чтобы до этого дошло. Сейчас она полностью отказалась от этой мысли. И пришла сюда в поисках подсказок или незримой поддержки. А еще в надежде на чудо. Что что-то всплывет или здесь найдется завещание. Ведь, конце концов, где же оно?

Но ответом на невысказанную просьбу послужила тишина. Лишь пламя свечей дрогнуло в держателях, однако Лизетта этого не заметила. Она еще раз все обошла, вернулась к столику и села. Тяжело вздохнула и выдернула пробку из горлышка бутылки. В горло полилась огненная жидкость, медленно, но верно притупляя печали.

Так она посидела немного и вдруг поняла, что слышит шаркающие шаги. Нет, конечно, вероятность встретить кого-то в Потустороннем мире ночью на огромном кладбище никогда не была нулевой. Но все же это казалось весьма маловероятным.

Лизетту кольнула мысль, что это не совпадение, и она выскочила из склепа, забыв и про ром, и про фонарь, и про сумку с ключами.

— Кто здесь? — крикнула она в пустоту и тут же ойкнула, вспомнив, где находится.

Из темноты на нее плыло серое пятно. Вспомнился забытый фонарь, но Лизетта храбро подумала, что на пороге родного склепа ничего плохого с ней случиться не может.

Через пару минут пятно превратилось в лицо горбатой старухи с крючковатым носом и зелеными глазищами, в которых будто плясал дикий огонь, или поселились те гнилушки, мимо которых она шла недавно.

— Вы заблудились? — наивно спросила ведьма, у которой ром приглушил шепоток опасности, и она чуть не шагнула с последней ступеньки фамильного склепа.

Лишь в последний момент передумала, словно кто-то за локоть придержал.

— Помоги мне, — прошипела старуха, голосом напоминая кипяток, выплескивающийся из кастрюли на слишком сильном огне. — Спускайся.

Старуха протянула корявую руку, а Лизетта проворно шагнула назад, вверх по ступенькам. Эта чудная женщина или сумасшедшая, или мертвые. Вон какие ногти грязные, будто из могилы недавно выбралась. А в усыпальницу ей пути нет, сила рода не пустит.

— Зачем?

— У меня послание, — бабка сменила песню и недовольно стрельнула глазками, затем вытащила из-за пазухи свернутый свиток, перевязанный черной траурной ленточкой.

Лизетта опять дернулась, чтобы взять протянутое — воспитание, что поделаешь. И снова что-то удержало ее в последний момент. Свиток упал на землю, брать его в руки расхотелось: а вдруг там проклятие? Всем известно, что бывает, если связаться с недоброй ведьмой: яблоко там заколдованное можно съесть или палец веретеном уколоть. Или вот свиток в руки взять — отравленный. Потому что в Теньбурге жили не только добрые или обычные ведьмы со своим характером. Но и очень даже злые.

— Вас кто послал, уважаемая?

— Иди ко мнееее, — прошипела старуха и вплотную подошла к ступенькам.

Но здесь натолкнулась на невидимую преграду и стала тыкаться, будто незрячая. Лизетта вытаращилась и шагнула еще выше — в дверной проем.

— Ага, сейчас, — ответила она, стараясь не показывать беспокойства. — Вы себя со стороны видели?

В ответ бабка злобно зыркнула и что-то забубнила, а Лизетта окончательно юркнула в усыпальницу и захлопнула дверь. Так надежнее будет.

Через некоторое время снаружи все стихло. Но молодая ведьма так и не отважилась покинуть защитные стены до рассвета.

С рассветом, невыспавшаяся и помятая, Лизетта пошла домой. Ночью ром помогал ей согреться, постелью послужили лавки. Все было не так уж и плохо, если подумать. Початую бутылку Лизетта предпочла оставить на месте и сожалела только о том, что вчера не захватила ничего на перекус. Живот теперь урчал, как стая вурдалаков.

Она бодрилась и представляла, как в красках расскажет Тенетте и Зефирре о своих приключениях на кладбище, когда все кончится, а они вернутся из Волшебного леса. И будут обсуждать эти события с шуточками и хохотом.

С утренними лучами все не казалось таким уж мрачным. Подумаешь, ночь в склепе, да странная бабка. Может, она таблетки забыла выпить, а ноги занесли ее в Сад мертвых... Кстати, подозрительный свиток исчез, и теперь точно не скажешь, был ли он так уж опасен или это разыгралось ее воображение. Возможно, его подобрала бабка, или он истаял с рассветным лучами. Что и к лучшему — не придется тратить время и ломать голову о его назначении.

Выбравшись из кладбища, ведьма оказалась на пустынной аллее. Ее каблуки гулко стучали по мокрой брусчатке — ночью прошел дождь. Ветер загонял опавшие листья в лужи, а вдоль дорожки росли старые вязы. Воздух был прохладный и прозрачный, здесь хорошо думалось... бы, если бы она не была такая голодная.

Поэтому Лизетта дошла до развилки и вместо того, чтобы повернуть к дому, направилась в город. Ведь в ее холодильнике шкафу было пусто, как в тыкве для Хэллоуина.

Теньбург не спал несмотря на ранний час. Этот город никогда не засыпал, если только на окраинах или в час волка. Нет, здесь всегда можно было найти открытую кофейню или трактир, потому что постоянно в город прибывали гости по Реке душ, что вытекала из Ночного грота в сердце города. Они приплывали из Тостороннего мира, высаживались на пристанях, не доплывая до Тихой заводи, и ждали своего рока: куда им? Вверх по лестнице, в мир красоты и покоя, или вниз по Огненному водопаду, в место, куда никто и никогда не хочет попасть. А может быть, им пора идти дальше, чтобы прожить еще одну жизнь и постичь новые уроки?

Был и еще путь — поселиться в Теньбурге, если выдадут позволение остаться. Маршрутные решения и любые позволения выдавали в Бюро. Оно располагалось в трехэтажном здании с галереей высоких остроконечных окон, что стояло на бульваре Грешников между водопадом и лестницей.

А пока ждали, все эти гости селились в отелях и гостиницах, гуляли, знакомились с городом и его порядками, получали пособия на жизнь и тратили его в заведениях всех мастей: покупали еду и одежду, посещали бары и кофейни, ходили на представления. Так что они являлись неотъемлемой частью экономики города, который обслуживал нужды гостей и на этом зарабатывал. Сама Лизетта жила на проценты от вклада, который достался от бабушки вместе с особняком. Она пока только думала, чем могла бы заняться для дохода и души.

Пожив с позволения в Теньбурге, гости могли отправиться дальше или стать привидением, как Динь-Дон. Так что в городе и окрестностях жили местные и прибывшие жители. Местными были потомки тех вампиров, ведьм, колдунов и оборотней, которым пришлось покинуть Тосторонний мир с приходом прогресса. Говорят, после этого там совершенно не осталось места для чуда...

Покружив по улочкам, Лизетта пришла к любимому заведению под названием “Кот и роза”, которое расположилось на улице Везения между шляпным магазином и сувенирной лавкой. В витрине магазина были выставлены расшитые бисерными листьями широкополые ведьминские шляпы ночного, винного, болотного и вечернего цветов. Там же можно было приобрести сумку, пояс и перчатки в таком же стиле. Лавка тоже манила на огонек, чтобы приглядеться к инкрустированным шкатулкам в виде гробов, тыквам в колбах, лежанкам для котиков и насестам для летучих мышей. И еще к тысяче и одной мелочей вроде столовых приборов, посуды, игрушек и книг.

У входа в кофейню вопреки концу октября живописно цвел розовый куст, который почти заплел крыльцо с навесом, косяк и дверь. Этот цветок невозможно любила хозяйка кафе — мадам Жозетта Котдрак, пожилая ведьма, у которой все цвело и благоухало даже зимой. А постоянным любимцем и символом заведения служил черный кот Гоша с упитанной мордой, широкими лапами и роскошным хвостом.

Лизетта вошла, зазвонил дверной колокольчик, а в нос ударил умопомрачительный аромат пирожков с яблоками и корицей. Похоже, их только-только достали из духовки

— Лизетта, дорогая, ты сегодня рано! — из-за стойки выпорхнула пожилая женщина в опрятном переднике с роскошными седыми волосами, присобранными сзади. Ее пальцы украшали перстни с крупными зелеными и черными камнями, на шее сверкало кольцо, а в ушах красиво сияли старинные серьги. Все потому, что тетюшка Жозетта была из очень богатого рода, а кофейню держала ради удовольствия. Раньше она дружила с бабушкой Иветтой и обещала присматривать за молодой ведьмочкой.

— Мадам Котдрак, — устало улыбнулась девушка.

— Тяжелая ночь?

— Что-то вроде того.

Лизетта в расстроенных чувствах плюхнулась на мягкое, бордового бархата сидение за столиком у окна и принялась заказывать, даже не глядя в меню, услужливо предложенное хозяйкой:

— Пожалуйста, яичницу с беконом: три яйца и три ломтика. Две сосиски гриль, свежий хлеб с маслом и мою большую чашку кофе как обычно. К нему два пирожка из тех, что сейчас сведут меня с ума ароматом.

Хозяйка довольно заулыбалась и заверила:

— Скоро все будет.

На лице тетушки Жозетты ясно читалось, что она заинтригована и скоро вернется не только с едой, но и с расспросами.

На время Лизетта осталась одна и принялась разглядывать посетителей. Это помогало отвлечься от мыслей и сделать голову легкой и пустой, чтобы туда ради разнообразия заглянули умные мысли.

Кроме нее, в кофейне находилось всего трое посетителей за двумя столиками. Через два стола шушукались сестрички-привидения. Совершенно белые, молодые и остроглазые, богато, но старомодно одетые. Они не успели состариться и стать таким же бесформенным пятном, как Динь-Дон. Но и двигаться дальше, похоже, не собирались.

В дальнем углу сидел мужчина в костюме, весь погруженный в кручинные мысли. По всему было видно, он недавно приплыл на лодке по реке Душ и сошел на одну из пристаней длинной набережной.

В городе стояло немало указателей и стендов с инструкциями, куда прибывшим идти и что делать. Находилось и немало доброхотов, готовых рассказать и объяснить все, что у бедолаг не укладывалось в голове. Все-таки в Теньбурге жил добродушный народ. Но этот мужчина еще не успел свыкнуться с новой действительностью Потустороннего мира. Или с тем, что его прежняя жизнь прошла.

Убранство “Кота и Розы” пестрело светильниками из черепов и вырезанных тыкв. Они отражались в зеркалах и панорамном окне, около которого пристроилась Лизетта. Горели свечи, скрипели сухие доски старого пола, когда по ним торопилась мадам Жозетта. На полках у дальней стены пылились книги. В углу между барной стойкой и входной дверью стояла резная деревянная вешалка для шляп и плащей.

— Вот, моя дорогая! — пожилая ведьма поставила на ореховый столик поднос, уставленный едой. — Ешь. Наедайся. Я к тебе потом еще подойду.

Лизетта набросилась на ранний завтрак, который послужил еще и поздним ужином. Яичница с беконом залетели как по маслу и немного приглушили голод. Приступая к сосискам, Лизетта уже растягивала удовольствие и косилась на огромную, чуть ли не поллитровую чашку кофе с молочной пеной и зефирками. Мадам Жозетта знала, как она любит и всегда приносила правильную порцию.

Лизетта с удовольствием глотнула горячего и немного сладкого напитка с мягким вкусом и, как кошка, прижмурила глаза от удовольствия.

Итак, что она имела?

После нескольких попыток ухватить след завещания, все оказалось тщетно. Ни один вариант из блокнота не помог. А дух бабушки Лизетта твердо решила не вызывать. Дни до срока выселения и до Хэллоуина заодно неодолимо истрачивались, а мыслей, что делать дальше, так и не появилось. Зато появилась странная бабка со свитком, которые затем сами собой исчезли. Кем она была, и кто ее послал? Он действовал явно с недобрыми намерениями. И вообще, уж не связано ли все это с инициативой Властриха по ее выселению?

Лизетта расправилась с сосисками и принялась за бутерброды и пирожки, запивая их кофе и наконец-то чувствуя, что начинает наедаться.

— Ну, дорогая, рассказывай, — к ней за столик присела мадам Котдрак, которая захватила с собой бокал глинтвейна и печенье “хворост”. — Я разделалась с делами и готова тебя выслушать.

Лизетта не удивилась. Скорее рассчитывала, что здесь сможет выговориться, поэтому не заставила себя упрашивать.

— Все очень плохо: меня выселяют.

Под охи, вздохи и закатывание глаз мадам Жозетты Лизетта рассказала все, начиная от прибитого к двери предписания и заканчивая ночью, проведенной в фамильном склепе. Когда эмоции от всех несправедливостей улеглись, тетушка Жозетта подперла щеку кулаком и задумчиво хлебнула из бокала.

— Так, так, так, — протянула пожилая ведьма, и Лизетта поняла, что у нее есть дельная мысль. — А не ходила ли ты к нотариусу?

— К нотариусу? — брови молодой ведьмы взлетели.

А ведь она совсем про него не подумала. Конечно! Это же элементарно: завещание точно существовало — Лизетта откуда-то знала это, а значит, имелся и нотариус, который его заверил.

— Тетушка Жозетта, вы гений! Что бы я без вас делала!

— Подожди, дорогая. Радоваться будешь, когда документ найдется. Что-то подсказывает мне, что с этим все будет не так просто. Но к нотариусу обязательно сходи.

— Думаете, он заодно с Властрихом?

— Кто? Старый Петруччо Вернарт? Конечно, нет. Но бургомистр явно не один все это затеял. Не было ли еще странных персонажей у тебя на пороге?

Лизетта задумалась. А потом покивала:

— Был один вампир неделю назад. Представился Виктором Сребколсом и очень хотел попасть в мой подвал.

Ведьма примолкла вспоминая, как накормила гостя пирогом с жабами и тот покрылся бородавками. Просто не пустить в дом она его не могла: в Потустороннем мире не действовали те же законы, что и в мире живых людей. Вот и пришлось отваживать другим способом.

— Так? — поторопила задумавшуюся Лизетту тетушка Котдрак.

— Я его выпроводила, нечего чужакам делать в моем подвале. Думаете, там спрятано что-то, ради чего они теперь хотят отобрать мой особняк?

— Тебе лучше знать, это же твой дом, дорогая, — Жозетта пожала плечами и по-доброму улыбнулась.

Лизетта глотнула еще кофе. Все-таки надо спуститься в подвал. Вряд ли завещание там, что ему там делать, среди темных закоулков, таинственных ниш и паутины, свисающей с потолка такими ключьями, что ее впору носить вместо шали. Да, и еще крысы, куда ж без них. Но среди всего этого жутковатого могло скрываться и что-то интересное. В конце концов, она обязана знать наследный дом как свои пять пальцев. А крыс пора выселить!

— Похоже, меня ждет немало дел, — Лизетта встала из-за стола и благодарно склонила голову в легком поклоне. — Всегда приятно поболтать с вами, тетушка Жозетта.

— И я тебе всегда очень рада, милая!

Мадам Котдрак тоже встала, чтобы проводить Лизетту.

Около стойки молодая ведьма заплатила по счету, отсчитав сорок три шуршащих, как осенние листья, шелеста и пять звенелок и направилась на выход. А тетушка Жозетта заторопилась собрать посуду, потому что ужасно не любила беспорядок.

Лизетта вышла на улицу. Здесь наступила самая яркая часть дня — большие круглые часы с фигурными стрелками на углу улицы Везения показывали начало одиннадцатого. Скоро

день склонится к закату и на улочках сгустится привычная темнота. Поэтому фонари в Теньбурге никогда не выключали. Светили они и сейчас: подчеркивали тусклость осеннего денька и рисовали причудливые световые фигуры в густом белом тумане, что стал наплывать со стороны реки.

Лизетта с удовольствием пошла по улице, вспоминая маршрут до конторы нотариуса. Скоро она повернула и двинулась по изогнутому каменному мосту через реку Душ. На нем тоже горело много фонарей, а каждый пролет между ними был украшен тыквенной головой. Довершали живописную картину хороводы красных кленовых листьев, которые плясали на старых камнях будто бы сами по себе. Ведь ветер почти не дул.

Лизетта спустилась с моста на другом берегу и углубилась в переплетение улочек, не забывая разглядывать, как жители украсили дома к Хэллоуину.

Вообще, в Потустороннем мире любили праздники. День Мертвых, Хэллоуин, Рождество, Дни осеннего и весеннего солнцестояния, летнего и зимнего равноденствия, Русалочья неделя, Ночь на Ивана Купалу и много других. Праздники помогали жить в ожидании чуда вместо того, чтобы погрузиться в серость однотипных дней. Каждый раз это чудо было разным, а месяцы и годы, прожитые вместе с ним, пролетали легко и весело.

По улочкам по своим делам торопились прохожие, а некоторые шли прогулочным шагом. Эти последние обычно держались парочками: вампир и ведьма в готическом черном, два белых привидения, две ведьмы-подружки с роскошными котами на поводках — одна в вечерне-синем с серебром, другая — в лиловом с золотом. Дроу, скелеты, пугала с тыквенными головами, колдуны, оборотни, люди из числа гостей — все они шли по своим делам, а по мостовой ехали экипажи без коней и кучера: будто бы сами по себе. Стоило махнуть рукой, и пустой кэб останавливался, чтобы подвезти, куда надо.

Смеркалось. Лизетта подумывала поймать карету, но решила дойти пешком. Ей было интересно, найдёт ли она дорогу, вспомнит ли? К тому же ведьма давненько не бывала в этой части Теньбурга и хотела насладиться его красотой и прогулкой.

Она шла под желтыми вязами и красноватыми кленами мимо старых домов, и все меньше фонарей становилось вокруг. Все меньше инсталляций и украшений, все мрачнее и безлюднее. Скоро стало совсем не празднично, а темно, одиноко и жутковато.

Она не помнила в Теньбурге такого квартала. Узкая косая улица, в окнах ни огонька, а ветер выводит плач злобного, затаившего обиду на весь мир, призрака. Или это не ветер?

Внезапно входная дверь одного из особняков, что стояли здесь сплошной стеной, стала медленно открываться с тонким, сводящим с ума скрипом.

Лизетта и без того замедлялась, размышляя, не повернуть ли обратно, ведь улица ощутимо понижалась, а впереди не виднелось ни одного огонька, только мрак и темнота. Ведьма с нервным смешком еще подумала, в какую же преисподнюю отсюда можно спуститься?

Но тут встала как вкопанная. Стоп, стоп, стоп. Это что же творится за чертовщина такая? Это совсем не шутки.

Она резко развернулась на каблуках и быстрым шагом направилась обратно. Благо там светили фонари и даже доносились жизнерадостные возгласы.

Усилием воли Лизетта заставила себя не обернуться, когда скрип за спиной прекратился и кто-то, тяжело ступая, вышел на крыльцо. Этот кто-то буравил ее спину ненавидящим взглядом, и ведьме казалось, обернись она, и назад не вернется.

Стоило выйти на широкую и наполненную жизнью улицу, как она сразу же увидела, куда надо было идти. И тревожные мысли немного поутихли.

Ведьма еще немного прошла до нужного перекрестка и вскоре нашла нужную дверь на Правильной улице. Она подошла к невысокому крыльцу и поднялась по трем ступенькам. Вдохнула и повела плечами, словно сбрасывая переживания из-за странного темного переулка. Затем постучала в дверной молоток и замерла в ожидании. Дверь пронзительно скрип-

нула и открылась сама собой, приглашая пройти в полумрак пыльного коридора. Желание соваться туда совсем сникло. Но Лизетта здесь уже бывала и знала, что ничего страшнее перспективы помереть от скуки в этом доме не грозило. Она прошла по коридору и постучала в дверь в его конце.

— Да-да! Войдите! — по-старчески сварливо послышалось оттуда.

— Здравствуйте, господин Вернарт, — мягко почти проворковала молодая ведьма, войдя в кабинет нотариуса.

Она помнила, он — ворчливый старик. И лучший способ поскорее решить дела — его задобрить.

В окружении книжных полок с потемневшими от времени талмудами за массивным дубовым бюро сидел выбеленный временем скелет в котелке и костюме-тройке, пошитом с иголочки явно уже после того, как господин Петруччо отказался идти дальше и стал скелетом, а не привидением. Да, так тоже бывало.

Справа от бюро располагалось большое окно с цветочными горшками, а на полу стояли стопки книг. Окно немного оживляло обстановку, делая кабинет не таким бездушным и строгим.

— А. Это вы, госпожа Безвинель, — укоризненно произнес нотариус и “глянул” исподлобья. — Я давненько вас жду. И даже отправлял вам письма целых два раза. Почему вы явились только теперь?

— Что?

Лизетта была сбита с толку. На душе еще скребли кошки. Вдобавок визит пошел совсем не по плану и ее с порога стали невесть в чем упрекать. Так, оказывается, кто-то еще и воровал письма из ее почтового ящика. Это начинало походить на четко спланированный заговор.

— Я ничего не получала, господин Вернарт.

— И все же вы здесь? Садитесь.

Ведьма послушно села в неудобное деревянное кресло с высокой спинкой и задала главный вопрос:

— Мое завещание, оно у вас?

— Ваше завещание? — скелет противно закричал, пока смеялся. — Уже собираетесь на тот свет, госпожа Безвинель? Не торопитесь, еще успеете.

Лизетта с трудом удержалась, чтобы не закипеть. Едва не зарычала на вредного старика, но пересилила себя и уточнила:

— Завещание моей бабушки — Иветты Рубежель, конечно же.

— Ах это. Нет, его у меня нет. Конечно же.

Лизетта скрипнула зубами, преодолевая этот обмен любезностями, и сцепила руки в замок, заодно обхватив ими колено.

— Тогда зачем вы слали мне письма?

— Чтобы рассказать, где его найти и как вступить в наследство.

Если бы про скелета можно было сказать “вылупился”, Лизетта так бы и сделала. Господин Петруччо уставился на нее пустыми глазницами так, словно хотел проделать в ней дыру с помощью взгляда.

Но обещание сказать, где она сможет найти завещание, сгладило все углы. Лизетта моментально простила старику все колкости и неласковости. В мыслях успела вознести хвалу небесам, что додумалась посетить “Кота и розу”, а мадам Жозетта надоумила ее прийти сюда. Затем смиренно произнесла:

— Я вас слушаю, господин Вернарт.

— Это очень похвально, госпожа Безвинель. Потому что времени у нас мало.

Спустя час ведьма вышла от нотариуса словно пристукнутая пыльным мешком. Такого она никак не ожидала.

Оказалось, за завещанием следует отправиться в Тосторонний мир. И надо торопиться. Потому что это не просто завещание, а завещание-договор, который нужно подписать как можно скорее.

Лизетта плохо поняла смысл этого договора. Господин Вернарт пытался объяснить что-то про Третью сторону, про древнее условие, с которым ведьмам, вампирам и остальным дали право жить в Теньбурге. Ее семья прямо участвовала в тех событиях и стала правопреемницей каких-то древних договоренностей. Нельзя было наследовать особняк, состояние и даже кота без того, чтобы не подписаться еще и на некоторые обязанности, которые исполняли все ведьмы из дома с улицы Бездомных кошек.

Нотариус действительно старался объяснить, а из Лизетты сыпались вопросы, будто падающие листья. Но, когда она случайно обмолвилась про темный квартал, в который забрела по пути сюда, старый скелет встрепенулся и воскликнул:

— Не может быть! Так быстро!

С этого момента он больше ничего не объяснял и повторял только одно:

— Торопитесь! Надо спешить! Отправляйтесь тотчас, пока наш прекрасный Теньбург не затянула могильная тьма! Идите же, если хотите вернуться в город, который знаете, госпожа Безвинель, иначе будет поздно. Поверьте, в Тостороннем мире вам все объяснят лучше, чем я.

На прощание Петруччо выдал Лизетте путеводную летучую мышь, которую следовало выпустить из миниатюрной клетки по прибытии в Тосторонний мир и никак не раньше. По наказу старика кроха должна была привести ведьму в нужное место, где хранилось долгожданное завещание. Наверное, тоже к нотариусу.

Но Лизетта не могла отправиться в Тосторонний мир прямо с порога господина Вернарта. Если бы это получалось так просто, дверь между мирами никогда бы не закрывалась. Постоянно кто-нибудь в нее бы шастал за чем угодно: за книгами, на свидание, за печеньками, в отпуск и по тысяче любых других причин.

Нет, попасть в Тосторонний мир из Теньбурга было непросто. Портал находился в Паучьем лесу. Его-то огромные пауки-стражи и охраняли, подпуская только счастливчиков с пропуском из Бюро. Но чтобы получить тот пропуск, следовало обить пороги не одного десятка кабинетов, пройти бюрократический ад, поставить печати и получить подписи на свитке с водяными знаками и магическими рунами.

Это был очень долгий вариант, а Вернарт призывал сделать все как можно скорее. Поэтому хорошо, что сегодня был канун Хэллоуина, когда ткань между мирами становилась тоньше. И ее было легко преодолеть самостоятельно. Правда и вернуться следовало не позже следующих двенадцати часов. Иначе велик риск так и остаться в Тостороннем мире и позабыть про родной Теньбург на целый год. А что от него останется за год?

Лизетта быстро поймала кэб. Перед ней остановилась уютная карета без кучера и лошадей, стилизованная под тыкву снаружи, а внутри обитая синим бархатом.

— Бездомных кошек, тридцать пять, пожалуйста, — произнесла ведьма и откинулась на мягкое сидение.

Карета тронулась, за окном поплыли дома и особняки, отели и трактиры. Промелькнул мост, по которому она шла недавно. Чем ближе к центру подъезжала карета, тем интереснее становилась архитектура, ярче огни и громче смех.

Неужели Вернарт прав и все это может сгинуть во мраке?

Лизетта не сомневалась, старый скелет верит в то, что говорит. Опять же тот темный квартал, он понижался, терялся во тьме и от этого казался бесконечным и особенно жутким. Что за пространственный проток там открывался и как он был связан с ее завещанием?

Вот она проехала мимо городских бань с горячими бассейнами. Туда было очень весело ходить, особенно с Тенеттой и Зефиррой. Как же невовремя они уехали в гости!

Но больше Лизетте нравилась библиотека для ведьм с камерной обстановкой, запахом книг и горячим какао. Там можно было читать прямо на подоконнике или на диване, в компании подруг или в уединении. Мимо проплыл городской парк, озаренный огнями и весельем, кабинет гадалки, ратуша, еще отели и ресторанчики, рынок и фонтаны.

Лизетта прикусила губу и приказала себе не раскисать. У нее есть дело, она его сделает и вернется сюда, чтобы вновь прогуляться по любимому городу. И все с ним будет в порядке!

Она вытерла незваную слезинку, что все-таки выскользнула из глаза, и обнаружила, что почти приехала домой. Ведьма достала десять шелестов и положила их в небольшую, специально предназначенную для этого шкатулку. Затем покинула кэб и направилась вверх по тропинке и ступенькам к двери родного дома.

— Мьяяууу! — возмущенно встретил ее котей прямо у порога и поставил лапы на платье.

Смотрел Гришка голодным и укоризненным взглядом.

— Прости! Миленький, прости. Я ужасная хозяйка. Прошлялась невесть где почти сутки.

Лизетта схватила кота в охапку и понесла на кухню. Там в холодильном шкафу лежал запас кошачьей еды. Но Гришка почему-то вырвался и вместо к миске побежал вон из кухни — к подвалу. Он застыл в паре шагов от люка под лестницей и вопросительно тихонько мяукнул, словно зовя за собой.

— Что? Я не хочу сейчас в подвал, котенок. Правда. Я жутко устала, и у меня столько дел. Ты не представляешь. Давай в другой раз...

Лизетта устало побрела по лестнице на второй этаж и зашла в спальню. Мельком глянула на чердачную дверь и вспомнила, как Дин-Дон заявил, что чувствует завещание, но оно очень далеко. Он ведь немало ей сказал этим. Что завещание не просто бумажка, а колдовской документ, например. Иначе как бы он его чувствовал? Что оно далеко — так тоже было можно догадаться, что не в этом мире. Но она такая простофиля, проворонила все намеки и подсказки.

Лизетта принялась собирать котомку, похожую на рюкзак. Вещи, книга заклинаний, деньги.

Вот только местные шелесты едва ли там в ходу. Зато могут пригодиться серебряные звенелки. Здесь они мало что стоили, но в Тостороннем мире их можно обменять на местную валюту. В конце концов, она не собиралась туда надолго. Одна нога там, другая здесь.

Через пятнадцать минут сборы были завершены. Лизетта спустилась на кухню и выпила стакан воды. Оставила Гришке запас провизии, чтобы хватило на неделю. Для нее самой съестного ничего дома так и не появилось, надо хоть Уютюля к этому делу приспособить. Но сейчас ведьма и не испытывала большого голода, потому что нервничала.

Она прихватила клетушку с миленькой летучей мышкой, которую окрестила Бетти, и вышла за порог. Подумав, она прихватила с собой фонарь.

— Мьяу, — протестующе сказал котик ей вслед, но Лизетта уже закрыла дверь.

На этот раз идти предстояло не налево — в Теньбург, а направо — к Перекрестку миров. Вздохнув, ведьма закрыла дверь на ключ и пошла по тропинке вниз. Затем повернула налево и пошла не оглядываясь.

Скоро мощеная дорога закончилась и началась обычная грунтовка. Хорошо, что было не грязно.

Лизетта все хотела обернуться и еще разок взглянуть на Теньбург, что гостеприимно светил ей в спину желтыми и оранжевыми огнями. Но ведьма этого не сделала, потому что знала: Перекресток не любит, когда оглядываются. Оглядываются, значит, не хотят идти вперед.

Она не успела заскучать от однообразного пустынного и темного пейзажа вокруг дороги, как казалась на перепутье.

В самом центре перекрестка Лизетта остановилась. Сердце гулко стучало, было страшновато и непривычно — она еще никогда не покидала Потусторонний мир. Но этот шаг был необходим, и ведьма речитативом произнесла:

— Уже ухожу! По дорогам брожу, в Тосторонний мир путь нахожу.

И пошла, повторяя под нос заклинание. Теперь только от нее зависело, сколько придется идти, прежде чем земля под ногами сменится на Тосторонний мир. По рассказам других ведьм это происходило каждый раз по-разному и могло случиться в любой момент.

Но время шло, а местность не менялась. Нужно было что-то изменить, и Лизетта закрыла глаза, продолжая делать все тоже самое.

Так она прошла еще шагов двадцать и поняла: мир за закрытыми глазами посветлел. Ведьма не отважилась остановиться и перестать повторять заклинание, но приоткрыла веки и выдохнула от удивления.

Потусторонний мир остался где-то там, в неосязаемой дали. А перед ней предстал холодный октябрьский день с пасмурным, но светлым небом. С лужами на серой, запеченной до каменного состояния, земле и еще зеленой травой на газоне. С высокими одинаковыми и очень твердыми домами, с гудящими шутовинами на колесах размером с карету, что неслись по проезжей части с невероятной скоростью. С холодным, пронизывающим ветром и срывающимися первыми снежинками.

— Бррр, — невольно произнесла Лизетта, которая в тонком плаще и платье сразу же застучала зубами.

А в Потустороннем мире уютнее! Ведьма скорее достала из рюкзака накидку, подбитую бархатом, и завязала на шее.

— Грей сильнее! — приказала она вещи и тут же почувствовала, что начинает согреваться.

Проваливаясь каблуками во влажную землю, Лизетта стала выбираться с газона, на котором появилась, на твердую дорогу.

— Простите, — обратилась она к прохожей женщине в сером пальто и шапке. — Как мне найти нотариуса?

— Какого еще нотариуса?

Женщина вздрогнула от внезапного вопроса, отвлеклась от дум и, похоже, только сейчас разглядела Лизетту.

— Откуда вы все только лезете? — раздраженно буркнула она вместо ответа, смерила ведьму осуждающим взглядом и пошла дальше.

Лизетта нахмурилась, выбирая: ответить ей — откуда, или сглазить, чтобы подвернула ногу. Но так ничего и не сделала, старалась держать подступающую панику на расстоянии.

Она огляделась. Вокруг был огромный мир. Гораздо больше Теньбурга. Наверняка здесь не один нотариус, а сотни...

На нее начинали коситься. Явилась она во всем ведьминском антураже и теперь растерянно стояла посреди тротуара с фонарем и летучей мышкой в клетке.

Точно! У нее же есть путеводная Бетти. А что до наряда, так надо вести себя увереннее, ведь здесь сегодня тоже канун Хэллоуина. Так что можно сойти за свою, если делать вид, что нарядилась к празднику.

Лизетта решила отойти от места появления и заинтересованных взглядов прохожих. Свернула в первый двор и заметила лавочку около детской площадки. На лавку она поставила багаж. Массивный фонарь теперь ей был ни к чему, его Лизетта поставила в кустах неподалеку. Если получится, вернется. А нет, ну и ладно.

В кожаном рюкзаке оставалось не так много вещей. Все удалось переместить в сумку-мешочек, которую ведьма носила на кисти, с помощью пространственной магии. Это можно

было сделать еще дома, но она впервые отправлялась в Тосторонний мир и о многом не подумала.

Рюкзак отправился к фонарю и был скрыт маскирующим залятием. Нечего разбрасываться хорошими вещами.

Лизетта бы отдохнула и подкрепилась. Но сидеть на лавочке было холодно, а зайти в кафе, которое видела с дороги, опасалась. Поэтому открыла клетку Бетти, рассчитывая быстрее покончить с делом.

— Давай, милая. Показывай дорогу!

Но не тут-то было! Бетти забилась в дальний угол, завернулась в крылья и дрожала.

— Малышка! Ты замерзла.

Лизетта корила себя, что совсем об этом не подумала. Затем достала бедняжку и засунула под накидку, где питомица уцепилась лапками за плечо и скоро согрелась. Но напрочь отказывалась вылезать наружу, потому что для нее было еще слишком светло.

Ведьма мрачно вздохнула. Похоже, Петруччо был настолько стар, что позабыл, как устроен Тосторонний мир, раз дал ей летучую мышь в проводники. Но теперь делать было нечего. Либо бродить наугад в поисках хоть какого-нибудь нотариуса, либо ждать сумерек. По ощущениям они должны были наступить через пару часов.

— Ладно, — пробормотала Лизетта, собираясь с духом. — Я ведьма. Справлюсь.

В конце концов, ведьм на кострах здесь давно не сжигали. И максимум, что могли в ней заподозрить — это чудачку в странном костюме, но никак не гостью из мира ведьм и вампиров.

Лизетта вышла из дворовой территории на улицу и снова осмотрелась. Недалеко светилось огнями и вывесками многоэтажное здание с названием “Ромашка”. Это явно был не цветочный магазин, но много людей постоянно входило и выходило оттуда. Поэтому ведьма тоже туда направилась.

Зашла через круглую самоходную дверь и оказалась в царстве стеклянных витрин, вывесок и снующего туда-сюда народа.

— Классный костюмчик! — заверил Лизетту незнакомый парень, который ухмыляясь прошел мимо и затерялся в толпе.

Немного оглушенная суматохой и яркими огнями, ведьма заметила вывеску с надписью “Ломбард”. Ломбарды имелись и в Теньбурге, и Лизетта знала, что там можно обменять ценности на живые деньги. Туда-то она и направилась, чтобы обменять звенелки на местные деньги и перекусить в кофейне.

Одновременно ведьмочка ощущала, что странным образом все окружающее кажется ей... знакомым. Это было необычное, неловкое чувство, ведь большинству предметов она даже не могла придумать название. Например, этим небольшим, с ладонь, штукам со стеклянной поверхностью, которые люди часто прикладывали к уху и говорили с ними. Или тыкали пальцами быстро-быстро.

— Лиза! — внезапно раздалось рядом с ухом. — Вот это да! Ты вернулась?

Лизетта обернулась, чтобы посмотреть на того, а вернее на ту, что будто кричала ей прямо в ухо, обращаясь явно к кому-то другому. Но молодая светловолосая девушка в расстегнутой черной куртке и свисающем шарфе говорила именно с ней.

— Варя? — удивилась в ответ Лизетта, еще больше изумляясь, что будто бы знает или вернее знала когда-то давно эту девушку, которую, кстати, видела впервые в жизни.

— Тетя Жанна не говорила, что ты вернешься. Пойдем домой вместе?

— Ээ, пойдем, — согласилась Лизетта, в ней боролись смутные чувства и неясные воспоминания, которые порождали все больше тревоги.

Девушки повернули к выходу из этого большого магазина с магазинами и прошли на улицу через крутящийся вход. Лизетта косилась на неожиданную спутницу и мучительно размышляла, о чем бы спросить ее, чтобы не показаться слишком странной.

— Классно выглядишь! — заметила Варя, поворачивая налево. — Такой стильный и детализированный наряд. Тебе не холодно? А, я поняла: ты приготовила сюрприз маме и приехала на Хэллоуин в образе ведьмы?

Варя тараторила, а Лизетта вспомнила, что она всегда была болтушкой. Мысли потоком заходили в ее голову и лились с языка единым, почти не разграниченным потоком.

— Маме? — в ступоре переспросила Лизетта, будто слышала это слово впервые.

Они прошли метров двести, перешли дорогу и углубились во дворы многоэтажек. Отогревшаяся Бетти почему-то именно сейчас решила показать нос из-под накидки, хотя до вечера было еще далеко.

— Ну да, маме. Представляю, как она обрадуется. Ой, кто это у тебя там такой страшненький? С костюмом вместе шла, да? Представляю, какой сюрприз получится. Мы его потом неделями вспоминать будем. Ну как оно там?

— Где? — не поняла Лизетта, которая не успевала за Варей перескакивать с мысли на мысль.

— Ну там, где ты учиться уехала. В Европе. Наверное, красиво невероятно. Я скучала, кстати. И думала, ты писать мне будешь. И на каникулы приедешь. А ты все лето там так и зависала. Но я все понимаю!

— О-оу, — только и смогла ответить ведьма, потому что, кажется, Варя забывала заданные вопросы под сметающим потоком новых.

Они подошли к подъезду и вошли внутрь. Лизетта вспомнила, что эта кабина с железными дверями и кнопками называется “лифт” и предназначена для быстрого спуска и подъема.

— Так тебе там хорошо живется? — спросила Варя и нажала кнопку восьмого этажа.

— Очень, — Лизетту неожиданно кольнул стыд.

Но она чувствовала не только его. Внутри разворачивался сложный букет чувств: забытые радости и тоска, детские надежды, мечты, фантазии. Желание большего, даже невозможного. Дружба. Игры во дворе. Долгие дни, школа, взгляды в окно на падающие листья.

— Мы живем на одном этаже! — вспомнила Лизетта и одновременно произнесла это вслух, как заклинание, как признание самой себе, что все это не бред сумасшедшего.

— Ну да, — кивнула Варя удивленно. — Мы приехали.

Они вышли на лестничную площадку. Варя повернула направо, а Лизетте оставалась левая дверь. Но она пока не могла заставить себя позвонить в звонок. Все теребила в руках сумочку-мешочек, нащупала там ключи от фамильного особняка, которые открывали заветные двери только в руках представительницы древней династии ведьм. Почему же тогда ей так хотелось позвонить в эту дверь с номером сто двенадцать?

— Я зайду к вам попозже, ладно? Ну чего ты стоишь? Все в порядке?

Под потоком Вариных вопросов Лизетта заставила себя сделать несколько шагов словно чугунными ногами и нажать на кнопочку рядом с дверью чугунной рукой.

Десять секунд, двадцать, минута. Дверь открылась.

— Лиза? — на пороге стояла женщина с немного крючковатым носом и немного печальными темными глазами.

— Мама? — спросила ведьмочка, потому что ей было нужно произнести это слово и почувствовать, что она дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.